

В.Г. Костомаров

Язык текущего момента:

ПОНЯТИЕ
ПРАВИЛЬНОСТИ

Виталий Григорьевич Костомаров
Язык текущего момента.
Понятие правильности

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8966686

Язык текущего момента: понятие правильности: Златоуст; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-86547-835-5

Аннотация

В монографии представлен авторский взгляд на одно из ключевых понятий языка – понятие правильности. Анализируются процессы, происходящие в современном русском языке, в числе важнейших – сближение его разговорной и письменной разновидностей, происходящее под воздействием сетевого общения. Также рассматриваются механизмы изменения языковой нормы и влияние социума на язык.

Книга адресована лингвистам, преподавателям русского языка и студентам гуманитарных факультетов вузов.

Содержание

От автора	4
1. Правильный язык	6
1.1. К определению понятия	6
1.2. Регуляция в теории	11
1.3. Регуляция в истории	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

В. Г. Костомаров

Язык текущего момента: понятие правильности

От автора

Эта книга была задумана Алексеем Алексеевичем Леонтьевым и мною в пору расцвета нашей большой и сердечной дружбы, ежевечерних домашних встреч, совместной службы в Институте языкознания АН СССР, а затем в Институте русского языка имени А.С. Пушкина, который мы вместе создавали и любили.

Потом в силу разных причин и семейных неурядиц Алексей Алексеевич покинул институт и даже в пикну оставшимся создал сходный институт имени Л.Н. Толстого. Хотя доброжелательность личных отношений сохранилась, наши встречи стали редкими, и творческое сотрудничество нарушилось.

Здесь важно вспомнить об известной профессиональной раздвоенности Алексея Алексеевича: будучи доктором филологии, он потрудился защитить вторую докторскую диссертацию по психологии, баллотировался и был избран академиком РАО по этой специализации. Семейная традиция (отец и сын – известные психологи) взяла верх. Среди выступавших на траурном митинге 12 августа 2004 года я был единственным, кто вспомнил языковедческие заслуги замечательного учёного. Алексей Алексеевич (1936–2004) умер безвременно, нелепо и неожиданно.

Алексей Алексеевич жил крайне напряжённой жизнью во всём – в профессии, в дружбе, в любви. Следуя своим бескрайним интересам и увлечениям, он не знал, что такое отдых и тем более безделье. Он обладал изобретательным умом, феноменальной памятью и работоспособностью, бесконечно много читал, был энциклопедически образован, универсально эрудирован и творчески логичен. Он был влюбчивым, увлекающимся и щедро раздавал идеи и познания, не щадя свой талант, зажигал окружающих и сжёг себя, по натуре своей не мог не сжечь. По себе знаю, как умел он заморозить замыслом и завербовать своим энтузиазмом.

Именно так мы оба окунулись с головой в проект книги, связывающей преподавание языка с установлением нормы. Осмысление этого понятия было заботой сектора культуры речи, который создал С.И. Ожегов и которым после его смерти я недолго заведовал. В ту пору сделано было немало: отсылая читателя к библиографии в конце этой книги, упомяну лишь замечательные работы моих коллег В.А. Ицковича, Л.И. Скворцова, Л.К. Граудиной, Л.П. Крысина. Взгляды ряда единоличных статей Алексея Алексеевича и моих, а также нашей общей итоговой статьи «Некоторые теоретические вопросы культуры речи» (Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 3–15) как раз и предполагалось представить в виде практического пособия для преподавателей русского языка иностранцам. Отчасти уже упомянутые обстоятельства не способствовали совместной работе, и проект оказался под спудом.

Сейчас, во время нового взлёта общественного интереса к культуре языка, к его норме мне захотелось вернуться к заготовкам чуть ли ни пятидесятилетней давности. В моём архиве остался лишь проект оглавления, написанный своеобразной мелкой вязью, ни с чем не сравнимым леонтьевским бисерным почерком. Мои наброски нуждались в коренной переработке, а собранный языковой материал – в полном обновлении. Резко изменившаяся языковая жизнь требовала пересмотреть и взгляды на норму.

Получилась книга другого замысла и назначения: уже не для узкого круга преподавателей русского языка как иностранного, а для всех, кому интересны проблемы языка. От первоначального замысла осталось лишь желание сохранить задорный, детективно-ироничный стиль сочинительства, который мы с Алексеем Алексеевичем выработали в большой серии изданных в конце 1970-х годов русско-иноязычных разговорников «для занятых дельцов и беззаботных туристов» («For Busy Businessmen and Lazy Tourists»). Мы мечтали сделать изложение лёгким и доступным, даже развлекательным, но не раздражающим упёртых педантов. Чтобы было понятно и забавно.

Среди того, что кажется самоочевидным, есть много и не вполне очевидного, а то и совсем неочевидного. Немало загадочного таит язык, которым мы пользуемся, который мы знаем. Ставлю цель – не сообщить новые факты, но структурировать и осмыслить вполне известные, пристально взглянуть в отдельные места картины привычного и тем лучше понять её в целом, понять самого себя в ней, уберечься от недоумений и недоразумений.

Представляя на суд читателей свой нынешний труд, я посвящаю его светлой памяти моего незабвенного друга, великого учёного, замечательного человека, лингвиста и психолога, академика Алексея Алексеевича Леонтьева.

Москва, август 2014 года

1. Правильный язык

1.1. К определению понятия

Многие авторы, среди которых М.В. Ломоносов, Н.В. Гоголь, называют язык живым как самая жизнь, уподобляя его подвижному океану, едва пределы имеющему. Иначе и быть не может: язык служит многообразным потребностям общества, меняющимся на разных отрезках истории, и позволяет людям самоутверждаться как личностям. Чем больше людей пользуется языком, тем безбрежнее океан.

Важную роль играет **динамика** языка. Как любая сложная, иерархически организованная система, язык развивается по присущим ему внутренним законам. Эти законы действуют непрерывно, но неодинаково в открытых уровнях лексики и стилистики, в разной степени закрытых, исчислимых уровнях фонетики, морфологии, синтаксиса, в юридически утверждаемой орфографии.

Естественно восторгаться размахом вечно бурлящего океана – языка, но нельзя не заметить его **избыточности**: в нём много устаревающего и новейшего, необходимого и ненужного, прекрасного и отвратительного, всплывающего из глубин во время шторма. Чтобы незатруднённо понимать друг друга, люди одной породы прежде всего нуждаются в общепонятном единстве языка. Без него немислимо осознать своё духовно-культурное родство, создать нацию и государство, сотрудничать в хозяйстве и других областях жизни. Сплочение нации, общее взаимопонимание требуют порядка, дисциплины, согласия о **правильности языка**.

ПетербурЖанки и петербурЖцы (всё-таки не *петербурГцы*, хотя они сейчас сами предпочитают *петербурГский* старому *петербурЖский*) *булкой* называют не только булки, но *батоны, булочки, ситники, халы, калачи*, весь белый хлеб. *Курицу*, под которой разумеем и петуха, называют логичнее – *курой* в согласии с *куры* (сейчас в гастрономическом смысле у нас повсюду по английскому образцу начали говорить *цыплёнок, цыплята*). *Бордюры*, как все горожане называют камень, отделяющий тротуар от проезжей части, петербуржцы именуют *поребриком*. Звонят друг другу *на трубочку*, а не *по мобильнику*. А главное – потешаются над *сердеШным другом* москвичом, говорящим *булоШная, Што, доЩь, доЖьЖья* вместо *сердеЧный, булоЧная, Что, доЖДь*. Впрочем, и москвичи теперь многие пристрастились говорить *булоЧная*, а некоторые – даже *Что*.

Можно ли упорядочить употребление слов силою общественного мнения, школы, прессы? Можно, но... жалко, почитая авторитет двух столиц и уважая своеволие самого языка, дарящего нам простор выражения. К тому же и в Москве, путая *скуЧно* и *скуШно*, разумеют разницу между *тоЧно* и *тоШно*. Если говорить серьёзно, то правильный язык питается из обоих источников.

Академик Л.А. Вербицкая показала, что общерусское произношение сложилось к середине XX столетия в единую произносительную норму в ходе своеобразных рокировок. Например, москвичи стали мягко, в согласии с написанием произносить глагольную частицу – *с*, – *ся* (раньше говорили твёрдо (*учуС, училСА*)). Коренные петербуржцы забыли в пользу московско-всеобщей формы *сосулька* производящее слово *сосуля*, которое употребляли раньше: «С выступа крыши, остриями вниз, свисали толстые *сосули*, сквозящие зеленоватой синевой» (*Набоков В.В.* Рождество). Героиня В.В. Набокова вспоминает слово и в другом, неизвестном для Москвы виде: «Там холодная зима и *сосулищи* с крыши» (*Набоков В.В.* Подвиг). Некоторые авторитеты и сегодня так говорят, им и *греча* приятнее московско-общего уменьшительного *гречка*. Но пример взаимоуважения прекрасен. Главное же в

том, что, так утверждаясь, люди всё же вполне понимают друг друга, находясь в пределах одного языка.

Вот если чужое вовсе непонятно, то это вроде и не язык. В старой России людей, говоривших совсем непонятно, считали немыми и называли *немцами*, не разбирая, германцы ли они или французы, голландцы, шведы... Древние греки и римляне всех, не владевших их языками, именовали *варварами* – обходившимися какими-то непонятными выкриками *вар-вар-вар* вместо человеческой речи. Правда, варварами обзывали и стилиг моей юности, которые оберегали свои музыкальные предпочтения, одежду и словарь, отстаивали свою манеру поведения, хотя в остальном их понять было нетрудно. Древние, конечно, знали, что среди «варваров» есть разные народы, как-то понимающие друг друга. Тем не менее уже в войске Александра Македонского всех славян ставили на один фланг сражения как взаимно разумеющих, несмотря на то что внутри такого «сообщества» славяне различали своих и чужих.

Дело в том, что этническое и государственное единство, военное в том числе, нуждаясь в консолидации и сплочении, неизбежно ослабляет как индивидуальные, так и территориальные, профессиональные, социальные, возрастные и иные отличия, а в многонациональной стране – отчасти даже этнические и языковые. Уважительное взаимодействие всех «своих» языков и, конечно, различий внутри одного **общего** языка должно избегать коллизий вроде тех, когда людей, говоривших непонятно, считали немыми чужаками.

* * *

Правильный русский язык, который становится общим, гордо повторяет в своём названии имя государства и народа, кому он родной, – *русский, Русь, Россия* (раньше писали *о языке Российском*, подчёркивая уважение заглавной буквой). Он принципиально един, устойчив и всеобщ. Он возвышается над океаном наречий, жаргонов, даже общего просторечия, не говоря уж об особенностях речи отдельных личностей. Он служит дисциплинирующим орудием, наводящим порядок в обществе.

Невозможно, конечно, не задать вопрос: кто, где, когда и, главное, почему объявил основой общего и самого правильного языка именно Москвы, а не язык, например, Орла, Саратова, Иркутска и тем более не язык явно претендующего на это Санкт-Петербурга? И не ущемляет ли этот факт права и претензии других регионов? Ограничимся ссылкой на М.В. Ломоносова, считавшего, что язык вырос и возмужал на основе говора Москвы – «по важности столичного города и для своей отменной красоты».

Каждый школьник слышал *о теории «трёх итилей»* и об изданном в 1755 году первом учебнике собственно русского языка – «Российской грамматике». В них М.В. Ломоносов – великий русский гений, учёный и стихотворец – утверждал превосходство русского языка над другими главными языками человечества, находя в нём «великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италийского и сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков».

Правильный, общий язык научно исследуют, запечатлевают в многочисленных, пусть не всегда убедительных, грамматиках, словарях, справочниках, учебниках, пособиях. Его охраняет общество, государство печётся о нём законодательно, усердно насаждают школа и вся система образования. Отход от правильного языка не одобряется, высмеивается, иной раз и наказывается – провалом на экзамене, лишением должности. Кое-кто всерьёз предлагает штрафовать за искажение языка.

Естественно желать, чтобы правильный русский язык был богатым, гибким, выразительным, но в то же время и обозримым в объёме, по возможности неизменным во времени, рациональным, строго коммуникативным. Ясно, что он меньше языкового океана, когда выступает предметом всеобуча и обучения иностранцев, тех, у кого иной родной язык.

Однако совсем не легко дать ему точное определение, потому что его употребление различается в зависимости от цели, темы, характера общения.

* * *

Языковая правильность — это то, чему обучают в школе и чему всё время учит жизнь, что всех объединяет в повседневности семьи и труда. Особая языковая правильность остро нужна в управлении страной и политике. Говорят, например, о *государственном языке*, границы которого отличаются от границ русского как родного, о подязыках отраслей науки, производства и искусства. Постараемся показать, что, хотим мы этого или нет, состав, объём и, главное, понимание правильности языка будут различными в зависимости от его функциональных предназначений.

В русской истории правильность естественно задавалась Псалтырью, богослужебными книгами. В советское время она сводилась к языку «Краткого курса истории КПСС» и передовиц центральной газеты «Правда». Партийно-государственно-управленческая деятельность, агитация и пропаганда так углубляли пропасть между правильным языком и несанкционированно человеческим, что они казались разными языками.

В противовес ленинскому тезису о двух культурах в национальной культуре (культуре эксплуататоров и культуре эксплуатируемых) Н.И. Толстой в статье «Язык — словесность — культура — самосознание» (Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6) и других работах связывал языковую правильность с разными внутринациональными культурами в структуре общества и их актуальными «кругами чтения» или «кругами слушания». Впрочем, народ, следуя духу своего вольнолюбивого языка, никогда не рядил его в тесный сословный или тем более прозападный мундир.

Ещё более важное качество правильного языка — то, что, возвышаясь над неопределённым языковым многообразием, он **упорядочен, сознательно обработан**. Он разумно рукотворен, искусственен, по удаче и искусен, когда из чего-то природного и стихийного вырастает что-то, безусловно, наилучшее.

М. Горький писал: «Язык создаётся народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, сырой язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его» (Горький М. О литературе. М., 1937. С. 220).

Под мастерами понимались прежде всего писатели. Раньше писателями называли вообще пишущих, первоначально даже просто умеющих писать (английское заглавие «Teaching First-Grade Writers» на русский надо перевести как «Обучение письму первоклассников»). Беллетристов — тех, кто пишет с изобразительной фантазией, с вымыслом, — из них выделяли, называя сочинителями. В созидании правильного языка участвуют, конечно, не только и даже не столько они, но все образованные, хорошо пишущие люди (и хорошо говорящие!), а не исключительно сочинители.

Тексты художественных произведений стали образцом для всех ревнителей языка — учёных, общественных деятелей, рядовых умельцев меткого слова. Назидательно «учившие жить» писатели-классики сыграли важнейшую роль в коммуникативно-информационном отборе языковых богатств да и в личном творческом изобретательстве. Именно поэтам принадлежит заслуга этической и эстетической, музыкальной шлифовки языка.

Уместно заметить, что потребность в общепонятном правильном языке обострялась при формировании наций и политико-экономической целостности всех государств. В протестантских странах его базой служили тексты Ж. Кальвина, М. Лютера, других религиозных деятелей. В Англии важную роль играл «Билль о правах» и прочие юридические

тексты, чему последовали и США с их Декларацией независимости и неизменной Конституцией. Ситуация диалектной разобщённости в Испании и Италии, а также во Франции обрела опору в созданных филологами, историками, философами энциклопедиях и словарях. Как не вспомнить гениальный словарь Академии делла Круска, отпраздновавшей в 2012 году 400-летний юбилей. Словарь был составлен в 1583 году во Флоренции, издан в Венеции в 1612 году и послужил образцом для французов.

Итак, многоконфессиональная и сложнотническая Россия со своим в то же время поразительно монолитным во времени и пространстве языковым хозяйством самобытно обрела *общий, единый, правильный* язык в духовных исканиях писателей, которые у нас «больше, чем писатели». Тут можно вспомнить авторов и орловско-курского, и южного, и сибирско-волжского происхождения. Не возносясь горделиво, язык постоянно, но осторожно вбирает в себя полезное отовсюду.

Острым чутьём правильности, по верному мнению В. Ходасевича, обладал Г.Р. Державин. Живший в бурный век становления, «когда все бродили в потёмках, он, преодолев подчинение по ученической робости советам друзей и правилам языка, в которых не видел установленного закона, почувствовал себя вправе поступать вольно, подчиняясь лишь внутреннему чутью и обычаю, но более – свободной филологической морали. Своих законов он никому не навязывал, признавая за всеми право на ту же вольность... По отношению к современной ему грамматике он стал анархистом. Но нельзя поручиться, что он не стал бы таким же по отношению ко всякой другой. Ещё слишком глубока была его связь с той первобытной, почвенной, народной толщей, где происходит само зарождение и образование языка и куда грамматист принуждён спускаться для своих исследований, как геолог спускается в глубину вулкана. Для грамматиста благо есть то, что правильно, то есть учтено и зарегистрировано. Для Державина правильно всё, что выгодно и удобно, что способствует его единственной цели – выразить мысль и чувство. Его эстетика полностью подчинена выразительности. В русский язык, не смущаясь, заносит он германизмы, как первобытный пастух тащит к себе овец из чужого стада. Он любил всё «попышнее, пожирнее, пошумнее». Таков и язык его, пышный, жирный и шумный... В слове видел он материал, принадлежащий ему всецело. Нетерпеливый, упрямый и порой грубый, он и со словом обращался так же: гнул его на колено. Не мудрено, что плоть русского языка в языке державинском нередко надломлена или вывихнута. Но дух дышит мощно и глубоко. Это язык первобытный, творческий. В нём абсолютная творческая свобода, удел дикарей и гениев» (Ходасевич В. Державин. М., 1988. С. 199).

Так была подготовлена почва для карамзинско-пушкинской реформы, от которой идёт наш современный язык. Классики художественной литературы облагородили его, уже второе столетие он упорядочивается и шлифуется мастерами слова и чувствительными к языку любителями.

* * *

Поиск правильности исторически связан с письменностью. Алфавитно-буквенное опредмечивание устранило недостатки летучего звукового общения, дало возможность передавать его результаты в пространстве и во времени, породив два величайших института человечества – почту и библиотеку. Но заметим сразу, письменность не сохраняет многого, что несёт значение в контактном общении: интонации, особенностей произнесения, мимики и жестикуляции, движения, изображения, настроения.

Значение письменности в её орфографической одежде, особенно с изобретением печати, неоспоримо и велико. С нею связано даже самое понятие знающего, культурного человека – грамотного, то есть умеющего читать и писать. Роль письменности не сво-

дится лишь к фиксации звучащего слова. Без печатного дела не сложились бы стилистическое богатство и многообразие языка и, главное, массовое распространение текстов. Наиболее существенные для общества сферы – государственность, экономика, наука, культура и искусство – неразрывно связаны с **книжностью**, создавшей особую, **книжную разновидность** языка. Рождённая в лоне письма, она завоёвывает и звуковое общение, вообще воспринимается как единственно правильная.

Выводимая из книг правильность печатно и фиксируется, а правила орфографии и пунктуации на запись естественных разговоров и не покушаются. Сегодня многие всё ещё отождествляют правильность с книжностью, хотя сами вряд ли ограничиваются этой разновидностью языка. Озвучиваясь при чтении, книжная разновидность языка облагораживает и звучащее общение, но, в принципе, для последнего дан, по словам французского лингвиста Ж. Вандриеса, всем людям на земном шаре один язык – звуковой человеческий.

* * *

Создание языка – таинственный процесс, идущий сокровенно, постоянно, но мало заметно, часто противоречиво, иногда необъяснимо.

Признание мерилom правильного языка его узаконение в качестве общего, извлечённого из языкового океана и обособленного кристаллизацией и обработанностью заставляет задуматься над тем, допустима ли вообще такая регулятивная деятельность. Если да, то насколько, каковы пределы и способы вмешательства человека в дела языка? Надо учесть ещё и то, что вследствие технических изобретений ныне утрачивается увязанность языка только с книжностью, с письмом и печатью.

1.2. Регуляция в теории

Многим авторитетам мысль упорядочить языковой океан чудится столь же кощунственной, что и своевольно изменить течение сибирских рек. Вмешательство человека в дела языка для них – неправомерная и обречённая на неудачу попытка насильственно насаждать абстракции, искусственно получаемые из фактов реального употребления.

Негативный взгляд выражен, например, Л. Ельмслевом: «Что касается нормы, то это – фикция, и притом единственная фикция среди интересующих нас понятий. Узус вместе с актом речи и схема отражают реальности. Норма же представляет собой абстракцию, искусственно полученную из узуса. Строго говоря, она приводит к ненужным осложнениям, и без неё можно обойтись. Норма означает подстановку понятий под факты, наблюдаемые в узусе, но современная логика показала, к каким опасностям приводит гипостазирование понятий и попытка строить из них реальности» (*Ельмслев Л. Язык и речь // История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях: В 2 ч. М., 1960. Ч. 2*).

На схожей позиции стоял великий отечественный языковед А.А. Шахматов, признавая *употребление* единственной основой правильного языка. В своей словарной работе он отказался от установления норм, выдвинув идею документации, точных ссылок на источник, ибо «характер источника ясно предопределяет, насколько то или другое слово следует считать общеупотребительным, насколько то или иное выражение можно признать достойным подражания» (*Словарь русского языка, составленный 2-м отделением Академии наук: В 3 т. СПб., 1897. Т. II. Вып. 1. С. 7*).

Против этого мнения возражал учитель гимназии И.Х. Пахман, высказывая нормативно-педагогическую точку зрения. А.А. Шахматов так отвечал на критику учителя гимназии: «Странно было бы вообще, если бы учёное учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось бы указывать, как надо говорить» (*Шахматов А.А. Несколько замечаний по поводу записки И.Х. Пахмана // Сб. ОРЯС. 1899. Т. XVII, № 1. С. 33*).

В том же сборнике учёный А.Г. Горнфельд писал, что доводы от разума, науки и хорошего тона действуют на язык не больше, чем курсы геологии на землетрясение: «В том-то и беда, что ревнителей чистоты и правильности родной речи, как и ревнителей добрых нравов, никто слушать не хочет. За них говорят грамматика и логика, здравый смысл и хороший вкус, благозвучие и благопристойность, но из всего этого натиска грамматики, риторики и стилистики на бесшабашную, безобразную, безоглядную живую речь не выходит ничего».

Полемику на ту же тему позже продолжил К.И. Чуковский: «Люди так представляли себе, будто мимо них протекает могучая речевая река, а они стоят на берегу и с бессильным негодованием следят, сколько всякой дребедени и дряни несут на себе её волны... Но можем ли мы согласиться с такой философией бездействия и непротивления злу? Неужели мы, писатели, педагоги, лингвисты, способны только плакать, негодовать, ужасаться, наблюдая, как портят русский язык, но не смеем и думать о том, чтобы мощным усилием воли подчинить его своему коллективному разуму?... Неужто у нас нет ни малейшей возможности хоть отчасти воздействовать на стихию своего языка?... Для разумного воздействия на языковое существование людей у нас есть могучий комплекс сил, мощные “рычаги просвещения”, школа, радио, кино, телевизор, множество газет и журналов».

В самом деле, трудно согласиться со взглядом на язык как имманентную стихию, недоступную для человека. Нельзя забывать, что «не общество для языка, а язык для общества» (афоризм А.И. Бодуэна де Куртенэ, учению которого следуют Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский, Г.О. Винокур, пражские структуралисты, большинство современных авторов), и отрицать самую идею осознанного влияния людей на язык.

Из соотношения **схема->узус** следует не только, что литературно-языковой идеал недостижим, но и что конкретный анализ способен обнаружить правильное как объективное явление, которое коренится в самой системе языка и которое может быть использовано по воле людей для эффективного общения. **Учёт направлений языковой эволюции способен определить регулятивные действия, нацеленные на воспитание вкуса и умения строить тексты в рамках заданной социально-культурной традиции.** Более того, он как раз и определяет извлечение и обработку единого правильного языка в интересах культурно-языкового единства и порядка.

Долг учёных – создать надёжный лингвистический компас, дать прогнозы и рекомендации, а не пассивную геологическую и топографическую карту языковой округи. Для этого полезно изучать отстоявшиеся формы «на всех уровнях языковой системы в их противоречиях и вновь развивающихся тенденциях» (*Виноградов В.В.* Проблема культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 9).

«Лингвисты должны стать практиками: не только коллекционировать обороты, но и активно вмешиваться в процессы языка, объяснять его, предсказывать тенденции, смело браться за новое. В общем – взять язык в руки!» Прочитав эти слова старичка-филолога из романа «Заноза» Л. Обуховой, академик В.В. Виноградов заметил, что они представляют некоторый интерес.

Самым сильным (и самым успешным!) вмешательством людей в самостоятельное развитие языка явилось изобретение письменности. Не найти лучшего доказательства могущества человеческой воли, чем способность, опредмечивая, овеществляя тексты, фиксировать, хранить и воспроизводить их, работать над ними и с ними. Ущербная условность фиксации обернулась великим достоинством, вынудив хитроумно компенсировать её усложнением самого языка – расширением словаря, изощрением морфологии, логизацией синтаксиса.

Поколениями творцов создан **книжный язык**, отличный от первородного **звукового**. Он отвечал усложнению жизни людей, росту разнообразия и объёма информации, а также количества общающихся. Роль книжного языка возросла, а сам он предстал величайшей ценностью национальной культуры. Книжность стала мощнейшим рычагом нормализации, порождая печатное дело, множительная техника революционно изменили коммуникативную жизнь общества и устройство самого языка, как минимум разбив его на книжную и разговорную разновидности. Письменной фиксацией традиция неразрывно связала самую идею правильности с книгой.

* * *

Как все величайшие достижения, письменность имеет и отрицательные следствия. Излишне обожествляя её, люди насилуют данный им звуковой язык. Во многом безразличные к звуку, принятые ныне орфография и пунктуация полностью ориентированы на книгу, часто даже противоречат живому произношению (картинка 7.7¹). Возвышение и обожествление книжного языка неразумно приводило к пренебрежению первичным и исходным звуковым языком, ему отказывали в звании законного и достойного общего правильного языка, считали неправильным, неграмотным, хаотичным, стихийным.

Языковеды до сих пор недооценивают звучащие тексты, хотя наиболее прозорливые из них, например И.А. Бодуэн де Куртенэ, давно призывали к «демократизации языкознания», его «энергичному освобождению от аристократизма филологии... от предрассудков и

¹ Картинкой мы называем развёрнутые примеры, иллюстрирующие разные теоретические положения разделов. Все картинки сгруппированы в разделе 7.

безосновательных мнений... освобождению от влияния филологии, от перевеса буквы над звуком» и в различении устной речи от написанного текста (*Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 6). М. Шагинян считала, что пора обновить язык «устной речью, прислушаться к изменениям и новизне в разговорах живых людей, современников, сойти из книжного шкафа в уличную толпу» (*Рубрика «Нам пишут»* // Новый мир. 1975. № 3). Сегодня к этому призывает уже вся жизнь.

Правильность «выступает с чертами общего для определённой эпохи письменного и устного языка, характеризующегося нормотетическими по своей целенаправленности законами развития, действующими в определённое время с обязательностью общеязыковой нормы» (*Трнка Б. и др.* К дискуссии по вопросам структурализма // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 44). Историю правильного языка «в целом характеризуют две общие, противоположные друг другу тенденции развития: 1) стремление к сохранению и укреплению действующей в нём нормы и 2) стремление к преобразованию сложившейся нормы» (*Havranek B.* Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur // Actes du IVe Congrès international des linguists. Copenhagen, 1938. P. 154).

* * *

В учёном мире нет полного согласия по поводу пределов дозволяемого регулирования правильности (*Крысин Л.П., Скворцов Л.И., Шварцкопф Б.С.* Проблемы культуры русской речи // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1961. Т. XX, Вып. 5. С. 428–432). Всё же ясно, что недопустим произвол субъективизма, личного вкуса, будь то дремучее ретроградство или, напротив, безудержное обновление.

Разумеется, в силу непрерывного развития языка «всегда и везде есть факторы, которые грызут норму» (*Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1. С. 15). Их консервация в благом стремлении к порядку грозит омертвлением принятой правильности, отчего необходимо разумно поддерживать «вновь созреваемые нормы там, где их проявлению мешает бессмысленная косность» (*Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Там же. С. 65–66).

Предпочтение сухого консерватизма тормозит живые процессы в языке. Зато такое предпочтение – в интересах общества, потому что помогает сохранить его единство, отвечает справедливым требованиям педагогов, всех ревнителей культурной традиции обеспечить языковую устойчивость и определённую. Люди хотят знать, что правильно и что нет, нуждаются в рекомендациях, в точном лингвистическом ориентире. Не утаивая, конечно, от учеников современные новшества, школа обязана в первую очередь консервативно передавать проверенное временем. Упорядоченная часть языка должна быть тем, чему стоит учить иностранцев, овладевающих русским языком.

* * *

Итак, в языке, отрегулированном и узаконенном в качестве правильного, общего, можно видеть **систему обязательных манифестаций – принятых единиц и правил их использования**. Они рисуются одновременно как неподвижная данность и – за пределами непосредственного наблюдения – как процесс непрерывных точечных смен, по мере накопления которых возникают серьёзные преобразования.

Постоянная, но медленная, почти не замечаемая людьми текущая саморегуляция – это существенный признак правильного языка. Стихийно она протекает как поиск баланса саморазвивающейся структуры в сторону регулярности, «выталкивания» исключений. Именно

согласием с этой природно-системной регуляцией, уловленной Г.Р. Державиным в виде его субъективного ощущения **правильного** и **неправильного**, кроется удача его языкотворчества. В наше время эта задача осознанно предстаёт научно обоснованной деятельностью специалистов, чьи оценки внедряются с одобрения и общественного мнения, и властных структур государства в интересах сплочения общества.

Опрометчиво утверждать, что правильность языка коренится только в саморазвитии его системы или только в его функционировании, зависимо от потребностей людей. В коммуникативной деятельности заложено стремление к разумному порядку, определению правильности. Оно предполагает сознательные действия в интересах эффективного общения, то есть регулятивную **нормализацию**, приводящую к **нормативности**, которую общество внедряет прежде всего через школу (*Ожегов С.И.* Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 14–15).

Утверждая своё право и способность воздействовать на язык, даже обязанность его регулировать во имя национально-государственного единства, ради образования, дисциплины и порядка в нём, люди обязаны знать и границы дозволяемого. Посягательство на самостоятельность делах языка неизбежно ведёт к беде.

Великий В. Гумбольдт видел в языке *эргон* (вещь, предмет) и *энергию*. Это различие продолжено многими учёными, чаще выделяющими три аспекта языковых явлений: *язык*, *речь* и *речевую деятельность* (Л.В. Щерба), *систему*, *норму*, *речь* (Ф. де Соссюр) и т. д. Связь этих ипостасей с языкотворчеством различна: нечто, рождаясь стихийно и случайно в живом общении, может, повторяясь и фильтруясь в норме, речи, речевой деятельности, закрепляться в системе языка. Здесь и детерминируются границы допустимого нарушения сложившегося состояния. Не считаться с вековыми традициями объёма, состава и пределов допустимых изменений в правильном языке – значит неизбежно ущемить его главную роль – быть средством общения, мышления и чувствования людей, обеспечивая их взаимопонимание и национально-государственное единство.

Назидательный пример тому, как язык мстит тем, кто жаждет ослабить его диктат: нынешние думские «спецы» хотели предписать под угрозой штрафа «избегать иностранных слов, когда есть русские *аналоги*». Они не заметили, что обрекают самих себя на наказание! Опасно своевольно влиять на то свойство русского языка, которое А.С. Пушкин сформулировал словами: «Язык наш общежителен и переимчив».

Безусловно, поэты имеют право творить свой язык. Однако поэты-«заумники» Серебряного века, переоценившие возможности своего языкотворчества, потерпели поражение и наказаны утратой понимания. Даже поклонники отвергли как невнятное закононепослушное посягательство на создание особого, «нового» языка и осмеяли непочтение «заумников» к традиции. Хотя многих читателей и сегодня восторгает смелое словотворчество Виктора (или Велимира, то есть того, кто *велит миру, повелевает им*, как он себя переименовал) Хлебникова: *могун, могач, моглец, мечатырь, можество, личанствовать, моженята, отмочь, смехачи смеются смехами, смеянствуют смеяльно* или программное «Я свирел в свою свирель / И мир хотел в свою *хотель*».

В. Брюсов сначала одобрял В. Соловьёва, в устах которого «иные слова часто имеют совершенно новое и неожиданное значение», и Вяч. Иванова, который «не довольствуется безличным лексиконом расхожего языка, где слова похожи на бумажные ассигнации, не имеющие самостоятельной ценности». Однако позже Брюсов писал осторожнее: «Более жизненной оказалась группа самых непримиримых футуристов – та, которая именовалась то кубофутуристами, то будетлянами (от корня “буду”, аналогично future), то заумниками. Стойкость её зависела от того, что она ставила себе задачи прежде всего технические, желала создать новый поэтический язык, “заумь”, который дал бы поэзии более совершенный материал для творчества, нежели язык разговорный. В этой тенденции есть своё здоровое ядро.

Поэзия – искусство словесное, как живопись – искусство красок и линий. Извлечь из слова все скрытые в нём возможности, далеко не использованные в повседневной речи и в учёных сочинениях, где преследуются цели практические и научные, – вот подлинная мысль заумников» (*Брюсов В. Среди стихов. М., 1990. С. 57, 75, 591*).

Но и на этот счёт могут быть разные мнения. Нарушать законы языка не позволено никому. Не надо обольщаться тем, будто язык и его носители потерпят тотальную инвентаризацию, оценку и упорядочение всего и вся. Начитанные люди, конечно, помнят находки, с удовольствием цитируют И. Северянина, который «повсеместно *оэкрашен*... *взорлил* гремещий на престол». Однако в состав языкового ядра, в круг норм не вошли даже самые удачные находки поэта, претендовавшие именно на звание всеобщих норм, они запомнились как примеры неразумного самочинства, отвергаемого языком.

В конечном счёте нормализация языка – во власти людей, в интересах общества. Но и интересы языковой системы не могут игнорироваться, её силы дают постоянно о себе знать. Они ставят ограничения возможностям человека своевольно «редактировать» её законы, тем более их попирает.

В то же время в поисках выразительной образности своих «языков», ставших прообразом общего образованного языка, писатели обращались к меткости и живой многогранности народной речи. Л.В. Щерба призывал не ограничиваться, вслед за старыми учёными, древними памятниками и текстами классиков, но вовлечь в рассмотрение «всё написанное и говоримое». По его мнению, все новации куются и накапливаются в кузнице звучащей разговорной речи; фильтруясь, они обеспечивают истинный прогресс всего литературного языка. Справедливость этого мнения подтверждается нынешним замедлением динамики образованного языка в его письменной форме.

Подводя итоги сказанному о взаимоотношении самостоятельного развития языка и сознательного влияния на него людей, можно прибегнуть к теории взаимодействий, метафорически изображающей взаимоотношения языка и людей как всадника и коня. Язык – средство общения людей, а люди – средство развития языка. Оба одинаково важны, пока люди не осознают первичность своей роли. В случае разумной необходимости конь поскачет, куда велит всадник, хотя и стремится остаться в стойле.

Обычно же их взаимоотношения вариативны и зависят уже от того, хорошо ли обузден или своеволен конь, зол или в добром настроении всадник. Не должен всадник злоупотреблять властью, понуждая коня по своей прихоти скакать быстрее и дольше, чем конь может. Так же и люди должны уважать родной язык, если они его любят. Отношения в этом союзе переплетаются: всадник и конь не борются, а считаются с интересами друг друга, понимают силы, возможности, желания, цели, приёмы друг друга и взаимно их почитают. При удаче в этом союзе процветают любовь и согласие, но ежели нет понимания и уважения, неизбежна беда. Всадник может загнать своего коня, а конь в силах сбросить и затоптать всадника.

Пределы человеческого вмешательства в дела языка мониторятся, если прибегнуть к модному слову и понятию, общим процессом нормализации, в котором (каждый по-своему) участвуют оба партнёра – как социум, так и язык.

1.3. Регуляция в истории

В истории оценка языка и человеческое воздействие на него происходили всегда – в естественном ли виде или в волевом, намеренно созданном, вплоть до своеволия «заумников» придумать новый язык. Единое средство общения, которое в интересах взаимопонимания людей кристаллизуется в безбрежном языковом океане, обрабатывается, регулируется и используется просвещёнными слоями общества, всегда соотносено с настроением, потребностями, жизненными притязаниями эпохи. Базисно его правильность сводима к вечному и бесхитроустному различению чужого и своего, которое и предстаёт натурально правильным.

В конце 40-х годов XX столетия как участник диалектологической экспедиции (полевое изучение говоров входило тогда в программу обучения студентов-филологов) я слушал в деревне рассказ одной милой девушки: «Отец-От на вОйне, мать-та в ВОлОгду О ту пОру была уехавши, Оставили меня сОвсем Одной таку маленьку...» Я увлечённо записывал, что говор развил постпозитивный артикль, но хранит архаические черты (у нас уже был курс истории древнерусского языка): «окают» (не редуцируют безударные гласные), склоняют краткие прилагательные, предпочитая их полным, используют плюсквамперфект, причём с деепричастием в именной части, а не с причастием.

Девушка вдруг сказала, что ходила в школу, может и по-московскому говорить, хотя это чудно как-то: «Мать тОгда, то есть тАгда на время уехала, тАчнее уезжала в ВолаГду, кАгда этА случилАсь... Недаром вас дразнят “был в МАскеве, хАдил пА дАаске, гАвАрил кАровА дА кАза”. Пишете-то хоть правильно?» Правильность, как видно, исходно определяется различиями своего и чужого.

Проявляясь в противопоставлении «свой – чужой», оценка «правильно», существующая всегда и во всём, должна быть сделана всё же с умом. С северянкой из этого рассказа мы при всех различиях понимали друг друга, находясь в пределах одного языка, причём она хорошо знала, что в столице, по радио, в школе говорят пусть и чудно, но правильно, и понимала, что это необходимо для беспрепятственного взаимопонимания людей в огромной единой стране.

Среди языковедов есть оптимисты, уверенные в прогрессивном улучшении, и пессимисты, видящие в развитии языка порчу первоначального «свыше данного» средства общения. Разумно полагать, что лучше всего способен обслуживать нужды своего народа его родной язык. Своеобразие его устройства свидетельствует лишь о гении этноса, творчески, национально-самобытно решающего даже сходные задачи общения в истории человечества.

* * *

Поиск своего языка охватывает всю историю этноса с момента возникновения самих явлений, будучи порождён бессознательным ощущением отличия одних явлений от других. Задача найти *свой* язык становится всё более важной с ростом этноязыкового самоосознания, по мере углубления хозяйственного, торгового, военного дела, монорелии, народной поэзии на этапах, предшествующих созданию государства. Её актуальность растёт с ростом удачных образцов и грамотности, письменно узаконивающей правильность, описывая её в форме орфограмм. Единицы языка питаются талантом, умом и тщанием кудесников – любимцев богов, монахов-богословов, вещих певцов, законодателей, толмачей, стряпчих и писцов. Правильный язык внедряют семейное и общественное воспитание и обучение.

Со временем понятие **своего правильного языка**, как и сами приёмы его обработки, возвысилось до уровня самосознания и патриотизма, условия сплочения, единения и прогресса, государственного, хозяйственного, торгового, военного, художественного. По мере

возбуждаемого личным и общенародным разумом перехода от варварства и последующих формационных процессов к цивилизации, развитому производству, системной экономике, науке, общественному устройству меняются и требования к языку как основе общения, обмена мыслями и опытом. Происходило это весьма различно в разных странах – в двадцать одной форме по А. Тойнби, мозаично по Л.Н. Гумилёву. Советская историография, а за ней и языковедение тесно связывали этот переход с формированием наций, появление и становление которых знаменовались заботой о национальном языке, его описанием и поддержанием статуса.

Возникающая проблема определения объёма и характера всеобщего образованного языка господствующего класса, религии, искусства, науки и просвещения в России счастливо решалась взаимодействием близкородственной общеславянской книжности и особенностей восточнорусского разнообразия наречий. Наша ситуация отличалась от ситуации Западной Европы, где местные языки сочетались с малородственной латынью. Уже в эпоху народности понимание правильности языка русских княжеств ушло от различения своего и чужого в силу общей религиозной и светской литературы.

При всей уникальности своей роли не всегда книжность порождает образованный язык, задавая ему качество правильности. Так, в эпоху становления и развития нации исторический процесс создания, обработки, образования правильного языка отходит от обожествления книги. Книгопечатание удешевляет и делает книгу массово-доступной, эгалитарной, воспринимающей дух индустриального общества. Поиск правильного языка увязывается с понятием **нормы**, вообще актуальным для эпохи формирования нации, которая требует порядка и чёткой дисциплины в производстве, хозяйстве, науке, во всех сферах жизнедеятельности государства.

Показательно, что В.В. Виноградов и другие крупнейшие исследователи формирования русского и других славянских литературных языков прибегают к словам *нормализовать*, *нормативность*, *нормы* лишь применительно к пушкинской эпохе и последующей истории. Термин **кодификация** никогда не используют. Исследования древнерусского языка обходятся без этих терминов. Мало кто из учёных говорит о нормах языка применительно к письменным произведениям, созданным до XVII и даже XVIII века.

Понятие «норма» вытесняет торжествовавшее учение М.В. Ломоносова о «трёх штилях», гениально разъяснявшее ситуацию XVIII века структурным разведением «корзин» языковых средств в согласии с тематико-содержательными сферами: 1) оды, трагедии и 2) комедии, а также «дружной пирушки», под которой подразумевалось как бытовое общение, так и начало языка науки и производства. Это полезное функциональное упорядочение своеобразной диглоссии старо-, церковнославянской книжности и живой восточнославянской стихии, всё более книжной в письменном законодательстве, приказной администрации, просвещении, науке послепетровского времени переставало соответствовать национальным интересам. Государственное единство и экономика всё сильнее нуждались в установлении не только фабричных и трудовых нормативов, но и территориального и языкового сплочения.

В XIX – XX веках «верный» оптимально-нормальный язык этнических русских предстаёт в виде **книжной** и **некнижной разновидностей**. С конца XX столетия ситуация усугубляется их сближением, изменением их увязки со звучанием и печатью, появлением текстов иного вида, в целом иной структурой правильного языка, по-новому образуемого всепригодно, нормативно, эстетически.

Теперь язык всё меньше сводится к искусственной книжности, поневоле скованной письмом, печатью и разлучённой со звуком, с реальностью контактного общения. Вопреки нашему желанию технический прогресс эпохи (как в своё время изобретение письменности) уводит язык от закономерностей, которые всю послепушкинскую эпоху неприкасаемо

хранятся в системообразующих подсистемах языка, разве что с поправками на словарные и произносительные черты Москвы и Санкт-Петербурга, но не очень замечая даже мощные «вливания» среднерусских (орловских) и сибирских писателей.

И.А. Крылов и Г.Р. Державин, пусть не вполне обдуманно, Н.М. Карамзин и особенно А.С. Пушкин вполне осознанно, а за ним все писатели-классики и несчётные умельцы – любители слова по крупицам обогащали, шлифовали и делали русский язык здоровым и здоровым. Они всё яснее верили, что неизменно единый язык нации, многонациональной страны (пусть в нескором «далёко» и всего человечества) есть залог социально-экономической, государственно-политической выгоды и общего прогресса.

* * *

Лингвистов-теоретиков интересует взаимодействие неподвижно-устойчивого центра языка с ресурсами, возникающими в образованном и непрерывно образуемом языке, но не имеющими общезыкового масштаба. Л.В. Щерба призывал представить русский язык в виде набора *концентрических кругов* – «основного и целого ряда дополнительных, содержащих названия тех понятий, которые отсутствуют в нём, а также иначе называющих те понятия, которые в нём есть». Под основным кругом можно подразумевать корпус безусловных норм, а под всеми другими – куда больший объём многообразного ненормируемого материала. К сожалению, ни сам замечательный учёный, ни его ученики и последователи не исчислили и не описали эти круги, тем более основной круг, который и представил бы искомое ядро языка.

Развивая идею Л.В. Щербы, В.В. Виноградов *выдвинул теорию языковых стилей как замкнутых систем языка*, но она не прижилась. После дискуссии и критических замечаний в журнале «Вопросы языкознания» В.В. Виноградов не отказался от понятия *языковые стили*, но исключил из их определения слово «замкнутые» и добавил: «...находящиеся в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении». Иными словами, в современном каноне нет понятия замкнутых систем языка, так же как и нет щербовских концентрических кругов.

На деле растут монолитность и гомогенность признанного *общим правильного* языка при повышении его внутренней стилистической неоднородности. Его стилевое употребление, пользуясь этим оценочным разнообразием, становится способным подчиняться множась внешним, внеязыковым факторам. Это, разумеется, не значит, что именно в таком обличье он существовал, например, в эпоху М.В. Ломоносова или будет существовать в иные времена.

В расколотом обществе, не знающем основы, на которой зиждется реальный общественный договор, трудно мечтать о том, что будет с языком, когда восторжествует научное и правовое здравомыслие свободных людей, достигших правды, справедливости, процветания и обретших доверие к власти и умение, преодолевая себя, приходить к согласию; когда они будут в силах, притормаживая и ускоряя по мере изменений жизни, так управлять постоянным и бесконечным развитием, которое задано природой языка, чтобы обеспечить желаемую его застылость. Всё же и сегодня рукотворение искомого языка тяготеет уже к системной и научно-обоснованной кодификации.

Задача оценить новейшие события в одной лишь лексике столь трудна, что порой приводит в отчаянье. Г.Н. Складарская предпослала как эпиграф к «Толковому словарю русского языка конца XX века. Языковые изменения» (СПб., 1998) прекрасное, но увы невозможное (пока?) пожелание Дж. Свифта, которое стоило бы вспомнить, рассуждая о возможности вмешательства человека в язык: «Но более всего я желаю, чтобы обдумали способ установить и закрепить наш язык навечно, после того как будут внесены в него те изменения, какие сочтут необходимыми. Ибо, по моему мнению, лучше языку не достичь полного совершен-

ства, нежели постепенно изменяться. И мы должны остановиться, в противном случае наш язык в конце концов неизбежно изменится к худшему». Последнюю мысль хочется выделить.

В то же время такая остановка может грозить чем-то ублюдочным, вроде того языка, на котором говорят марсиане в романе Лао Шэ «Записки о кошачьем городе» и в котором «всего 400–500 слов, и, переворачивая их так и этак, можно сказать что угодно. Конечно, многие понятия и мысли выразить им невозможно, на этот случай есть прекрасный способ вообще не говорить. Прилагательных и наречий очень мало, с существительными тоже небогато. Всё, что связано с растительным миром, называется так: большое дурманное дерево, маленькое дурманное дерево, круглое дурманное дерево, острое дурманное дерево, заморское дурманное дерево, большое заморское дурманное дерево, хотя в действительности это совершенно различные растения. Местоимения не слишком распространены, ибо существительные предпочитают ничем не заменять. Словом, язык очень детский. Запомни несколько существительных и разговаривай, а глаголы можешь выражать жестами. Есть у них и письменность – великое множество значков, похожих на маленькие башенки или пагоды, но их очень трудно изучить. Рядовые люди-кошки знают от силы два десятка таких значков» (М., 1981. С. 201).

Хотя и вспоминается лексикон Элочки-людоедки из «12 стульев», не стоит при исчислении необходимого и достаточного оптимума насмехаться над целевым урезыванием языка на какое-то время, скажем, в учебных целях. Ущемляющее полноту общения, особенно в стилистике и словаре, урезывание меньше в синтаксисе, почти не затрагивает фонетику, морфологию, правописание. Оно не предполагает покушения на богатства языка и подчиняется намерениям, диктуемым корпусом важнейших текстов, идейным содержанием, тем, что модно стало называть *тематическим контентом*.

В лингвопедагогике царствуют *минимумы* и *концентры*, посылно ограничивающие и по мере усвоения расширяющие учебный материал. Различается также активное и пассивное владение языком согласно с целями и интересами учащегося-иностранца. Зная, сколько новых слов и правил способен усвоить учащийся за отрезок времени, педагог отбирает то их число, которое позволяет языку быть, пусть ограниченно, но действующим на каждом этапе обучения. Самую *правильность* можно определить как то, чему стоит учить иностранцев.

Интересна попытка создать Basic English – именно «базисный», хотя первоначально это лишь аббревиатура: **Business** (деловой), **Administrative** (управленческий), **Scientific** (научный), **Industrial** (промышленный), **Commercial** (торговый). Это упрощение задумано как средство, позволяющее без серьёзного владения языком справляться с деловым, общественным, научно-производственным, бытовым общением на языке без труда и раздумий, не боясь ошибок. Умело, ловко, но скучно, тоскливо!

Над идеей ещё не созданного «базисного русского» смеяться грешно. Он, конечно, не удовлетворит русских, но покажет основу основ их взаимопонимания как народа – носителя одного языка. Родной язык вводится гулением и словами *агу, мама, пить*. С них начинается становление и освоение в семье и школе, а затем в жизни, по мере надобности и желания, всех богатств языка. Со скованного, первоначально малокровного и бесцветного общения начинают обучать (никогда им не заканчивая) не только родному языку, но и второму, иностранному. Просто на старте всегда лучше меньше, но лучше – правильное и основательнее.

Искомый правильный язык в ходе своей обработки, регулировки обязан полно и гибко отразить потребности общества в данный момент его исторического существования. В соответствии с разно- и многообразием нужд он может быть таксономичным, но необязательно *вариативным* (см. раздел 6). Понимание сути коммуникативно и эстетически образуемого постоянно, на данный момент образованного языка не может не основываться на замысле его создателей и меняющихся потребностей людей, им пользующихся.

Говорить о правильности как заданной навечно вещи в себе наивно. Норма сама по себе – иллюзия, нечто привносимое, но, конечно, совершенно необходимое для успешной и единой организации общения людей, живущих в одном государстве в данный период. Но как трудно отбросить недоказуемый стереотип, что полученный с материнским молоком родной язык самый – даже единственно – лучший и правильный!

Возможный поиск искомой правильности конкретного родного языка по мере усложнения и глобализации жизни обозначен в работах Б.Н. Головина и других языковедов Поволжья в виде *теории хорошей речи*. О.Б. Сиротинина, не отбрасывая наработок принятого понимания норм единого литературного языка, удачно сообразует реальную иерархию его функционирования с его объёмом и характером здесь и сейчас, однако на базе освящённой традицией в звучании, в грамматической флексии, основном словарном фонде, без чего язык просто не существует (см. труды последних лет, особенно новейшую книгу «Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски» (Саратов, 2013)).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.